

П. Н. Берков

История советского библиофильства

«КНИГА»

Дорогой Фаине Зиновьевне
с наилучшими пожеланиями

С. и В. Верховы

П. Н. Берков

История
советского
библиофильства
(1917—1967)

1-980476

Издательство
«Книга»

Москва
1971

002
Б48

Берков Павел Наумович

**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОГО
БИБЛИОФИЛЬСТВА
(1917—1967)**

Издательство «Книга»,
Москва, К-9,
ул. Неждановой, 8/10.

Редактор
Г. И. Куйбышева
Художественный редактор
Н. Д. Карандашов
Технический редактор
А. З. Коган
Корректор
М. И. Жильцова

А02836. Сдано в набор 22/IV 1971 г.
Подписано к печати 7/IX 1971 г. Формат
бум. 60×90¹/₁₆. Типографская № 2.
Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 15,87.
Тираж 11000 экз. Изд. № 3. Заказ № 973.
Цена 1 руб. 19 коп.

Московская типография № 16
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Москва, Трехпрудный пер., 9.

6-10-1

3-71

Друг книги — советский библиофил

В одном месте чудесной книги, посвященной Людям и Книгам, он, крупнейший ученый, обаятельный человек и умный — очень умный! — читатель признался:

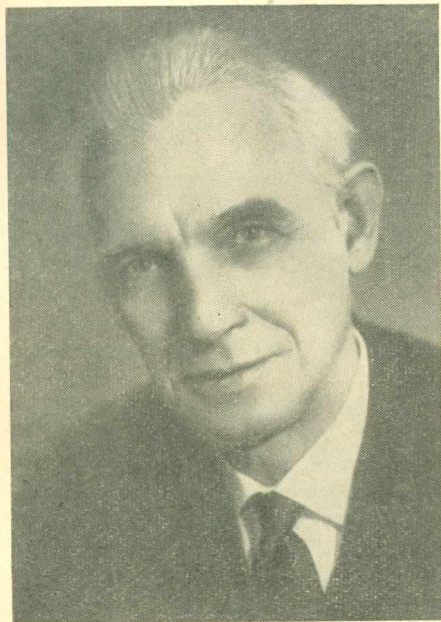
«Книги эти заинтересовали меня судьбой либо людей, которые их создавали, либо людей, о которых в них говорится. Что может быть для человека интереснее человека?»

— здесь, во вступлении к посмертному изданию его последней книги, сказать надо прежде всего о нем самом...

Автор первой во всей нашей, и не только нашей, литературе «Истории советского библиофильства», профессор литературоведения, член-корреспондент Академии наук СССР Павел Наумович Берков был во всем незаурядным человеком. Его авторитет и талант, его изумительная культурность и глубина знаний в избранной им области — истории русской литературы XVIII в., — снискали ему международное признание. Число работ его, опубликованных на многих европейских языках, почти необозримо. С редкою щедростью и блистательностью подлинного дарования в обобщающих трудах и множестве монографически-специальных статей, в прекрасных по содержательности и по форме изложения лекциях и докладах профессор Ленинградского университета, гость зарубежных академий социалистических стран и бессменный председатель секции книги Ленинградского Дома ученых Павел Наумович Берков был одинаково ценен как исследователь и популяризатор драматургии русского XVIII в., просветительства Петровской эпохи, — и поэзии Валерия Брюсова. Широта интересов подлинного друга литературы сочеталась во всей деятельности Павла Наумовича Беркова с проникновенной точностью детальнейшей аналитики, характерной для настоящего «мастера науки». И был Павел Наумович Берков всегда скромнен, внимателен и принципиально требователен к себе и к своим друзьям. Свою специальность, литературу, любил он самоотверженно и безотказно. И был другом книги и книг, равного которому, быть может, не осталось у нас после (безмерно всех его многочисленных друзей опечалив-

шей) его кончины в 1969 г. в возрасте семидесяти трех лет, после достойно и плодотворно прожитой жизни.

О заслугах его в исследовании истории русской и зарубежной литературы, о его педагогическом даре, о его общественной деятельности рассказали уже и расскажут многие другие. Здесь, на немногих страницах «вступления» к публикуемому, подготовленному

П. Н. Берков

совсем незадолго до конца его жизни, блестящему и интересному очерку истории советского библиофильства сказать надо именно об этом последнем: о П. Н. Беркове как книголюбе. Больше: как о ф и л о с о ф е самого книголюбия. У нас были поэты книги. Были и есть ее самоотверженные друзья, растут ряды собирателей и изучателей книги. Были и философы книги: таким выступает в своем труде, написанном еще в 1920-х годах, крупный и вдумчивый ученый, профессор М. Н. Куфаев. Но П. Н. Беркова надо оценить, и понять, и приветствовать как методолога, психолога, историка и философа именно книголюбия, библиофилии, библиофильства. Именно П. Н. Берков установил и заставил нас продумать различие от-

тенков трех близких аспектов одного и того же: любви к книге, общественно-социального и глубоко личного, ч е л о в е ч н о г о значения этой любви.

О любви к книге писали многие, — столь многие, что повторять их имена здесь не надо. Но любовь к книге бывала разной. Страстной и пристрастной, самоотверженно-бескорыстной и скупой. Фрейдисты сравнивали страсть библиофила к собственным, только к своим личным книгам, с ревнивой страстью древневосточного властелина к своему гарему. О собственничестве как особой побудительной силе книгособирательства так называемого «Геннадиевского толка» весьма подробно писал сам П. Н. Берков в своем труде «Русские книголюбцы» 1967 г. Еще один вариант любви — библиомания — с у м а с ш е д ш а я любовь к книге, рождавшая и преступления порою, воровство — с ним встречаются, увы, и поныне наши библиотеки, — убийства и «захоронения», запирающие книги на замок, «библиотафия», — все это aberrации, болезни, что угод-

но! А без доли «сумасшедшинки» не удастся ни одно личное творческое собирательство, никакое более или менее успешное коллекционирование, без которого и не должно и не может обойтись планомерное общественно-государственное строительство библиотек или музеев. Вместе с тем понятия «друг книги» и «книголюб», «библиофил», «библиофилия» и «библиофильство» — различны! П. Н. Берков в своей книге «О людях и книгах» 1965 г. защищал удачно и умно различные аспекты любви к книге, в «Русских книголюбых» 1967 г. — самое выражение «книголюб». Добавить к его очень тонким и верным замечаниям здесь почти нечего, а вместе с тем следует. Публикуемая «История советского библиофильства» П. Н. Беркова осталась не совсем завершённой. В предисловии к ней преждевременно ушедший от нас автор говорит о примечательных накопленных им уже материалах к «Словарию советских библиофилов», книголюбов, книгособирателей последних десятилетий. Автор этого «вступления» в переписке и в личном общении с П. Н. Берковым не все успел и сумел сообщить жившему в Ленинграде автору «Истории советского библиофильства» по истории московских книжных дел 1920-х годов. И сказать в этом вступлении желательно нечто, представляющееся существенным, по общим вопросам темы, которой посвящены три последние книги П. Н. Беркова, «О людях и книгах», «Русские книголюбых» и публикуемая «История советского библиофильства», посмертная.

Друг книги! Это самое емкое, самое простое и широкое, самое понятное и человечное и самое вместе с тем неотчетливое выражение всей темы или области, в которой работают библиотекари и читатели, библиографы и статистики, книгопродавцы и покупатели книг, собиратели и посетители выставок книжной графики, издатели и художники... И фантасты, как Рэй Бредбери, описывающий жуткий мир торжествующей капиталистической псевдоцивилизации, в котором все книги уничтожаются. И деятели электронной микроинформации, стремящиеся заменить книгу перфорационной лентой или микрофильмом, не являющиеся ли такими же врагами книги, как грибоедовский персонаж, желавший «собрать все книги бы да сжечь». Особость Друга книги — это его приверженность к книге — как к слову. Сообщение, информация, общение, речь, обучение, сведения, знания — все это смысл, содержание «книги», которая «огромная сила» (слова В. И. Ленина, сказанные им А. В. Луначарскому в первую ночь Октября). И это — главное. Здесь основным является чтение, освоение книги. «Читать» можно и статистические таблицы, где наборного текста меньше, чем цифр, и фотоальбом. Друг книги — тот, кто распространяет, ценит, так или иначе участвует и сотрудничает в общем деле неисчерпаемых возможностей книжного делания. Он — просветитель. Он будет бороться во имя этого с употреблением во зло печатного станка, во имя информации — с дезинформацией. Друг книги — прежде всего и в самой своей сути — общественный человек. Деятель. «Собственником», собирателем,

он быть не обязан. Быть может, исключительным примером друга книги является скромный и бескорыстный библиотекарь (история русской культуры помнит таких), который именно потому, что он друг книги, становится незаменимым другом читателя...

А библиофил? Тот, кому острые, чуть насмешливые слова посвятил Анатолий Франс, умело характеризованный П. Н. Берковым в одной из его опубликованных уже «книжных книг»? И В. И. Ленина, и А. М. Горького мы предпочитаем называть друзьями и книг в том широком смысле, какой мы постарались придать выше этому понятию. В более специальном и сознательном смысле друг книги становится неизбежно книголюбом. Это — требовательный не только друг, но и критик книги. В. И. Ленин дает тому замечательный пример. Он оставил нам не только золотые слова: книга — огромная сила, которые надо было бы начертать над входом в каждую библиотеку. Ленин писал же М. Елизарову и сестре своей: «Типографская аккуратность и изящество очень важны». В. И. Ленин объявил же выговор своему ближайшему соратнику В. Воровскому за неряшливое издание важной брошюры и подписал постановление Совнаркома в один из самых первых и трудных годов революции о выпуске сугубо ученого труда академика И. П. Павлова «в лучшей типографии в роскошном издании». Это — дружба с книгой, переключенная в подлинную, полную уважения любовь к ней. Тысячи переходов! Дружба и любовь — нераздельны, переходят одна в другую, являются в сути взаимоопределяющими. И все — же — различаемыми! Дружба может быть строго рациональной, любовь всегда горячо эмоциональна. Она может вызвать — опять золотое слово В. И. Ленина! — ощущение, что «без книг — тяжело». И любовь к книге может не быть страстью к книгоприобретению. И любить, и ценить книгу можно в общественной и государственной библиотеке не меньше, чем «у себя», в библиотеке личной. И любоваться книгой можно тоже не только «собственной». Книголюб — бескорыстен! Его радует книга, вызывая его внимание и волнение, интерес, затрагивая его ум, совесть, — всегда и везде. Был книголюбом А. М. Горький, даривший книги из своей библиотеки тем, кто в них нуждался. Был книголюбом прославленный генерал 1812 г. А. П. Ермолов, на старости лет научившийся переплетать свои книги. Был книголюбом А. С. Пушкин, перед смертью обратившийся к книгам своей библиотеки со словами: «Прощайте, друзья». Можно было бы сказать, что книголюб — это такой друг книги, который чувствует и знает, что книга — жива, что книга — его друг, что — «книги — это руки, протянутые чрез века», как написал автор этого вступления в стихотворении, достоинством которого было то, что посвящено оно было П. Н. Беркову...

Но кто же такой — библиофил в отличие от книголюб?

Вновь надо со всею решительностью сказать, что точных граней между обоими понятиями, обозначающими по сути одно и то же,

нет и быть не может. Но скорее библиофилом, не книголюбом, назовем мы того, кто испытывает радость, впервые взяв в руку книгу как предмет (это — слова и определение А. М. Горького, бывшего скорее бескорыстным книголюбом, нежели библиофилом). Библиофилом был блестяще характеризованный П. Н. Берковым (в его книге 1967 г.) Д. В. Ульянинский, предпочитавший хранить книги свои неразрезанными, то есть непрочитанными, «девственными», не освоенными никем, даже им самим! Увы, от библиофила совсем недалек его отвратный двойник, большой и внушающий жалость библиоман! — Библиофил же истинный и правомерный будет в книге внимательным ко всему, что в ней есть. И к формату, и к бумаге, на которой напечатана книга, и к ее шрифту, и к оформлению ее, и к качеству набора, т. е. к о с у щ е с т в л е н и ю книги, что в наших глазах несравненно важнее одной только «техники», одной только «внешности», одной только «эстетики» или даже «формы» книги.

В 1920-х годах много споров было вокруг понятия «искусство книги». Противники самого этого понятия упорно хотели видеть в «искусстве» только форму, тогда как в советском понимании искусства «форма» всегда и неразрывно связана со смыслом, с содержанием, с идейным и общественным значением. Искусство — высшее по качеству воплощение или осуществление внутреннее во внешнем, с которым оно слито в диалектическом единстве, и сказать об этом здесь не мешает, потому что именно внимание к этому к а ч е с т в у воплощения книги в ее печатном процессе и есть особенность библиофила. Можно (вновь парадоксально!) сказать, что книголюб будет любить всякую хорошую книгу, будь она столетней давности или пробита пулей на войне. Библиофил — по всей вероятности — нет! Д. В. Ульянинский с пренебрежением возвращал антиквару-букинисту Н. Соловьеву «не удовлетворивший» его экземпляр искомой книги — предпочитая не иметь вовсе том не очень аккуратный, нежели иметь тот же текст, то же издание в чуть обрезанном или не вполне чистом виде...

Но настоящий друг книги и подлинный книголюб будут уважать книгу всегда и везде, и в чужом собрании, в государственной, строго охраняемой библиотеке, и в единичном экземпляре, и в многотиражном издании. Для подлинного библиофила «любование», оценка книги со стороны совершенства ее осуществления (так мы теперь толкуем «искусство книги») отнюдь не зависит от ее редкости, не совпадает с ее дороговизной. П. Н. Берков очень тонко и тактично говорил об этом последнем.

Библиофил же к понятию «книголюб», как думается, как это вытекает из трудов и мыслей П. Н. Беркова, добавляет пафос собирательства. Коллекционирование, дань восхищения которому воздавали и Гёте, и Эйнштейн, и которым в наше время прославился Н. П. Смирнов-Сокольский и сам П. Н. Берков, — благородная, зажигающая и огнем этим очищающая человека страсть, — как раз та «окраска», которая отличает библиофила от книголюбца вообще.

Собирать — искать! Открывать! Находить! С облегчением (про себя лучше, нежели вслух) вздыхать: «Наконец-то»... Все это — радости. Они были подвигом порою, когда надо было спасать и восстанавливать разоренные вражеским нашествием музеи и книгохранилища, они были и бывают восторгом открывателей во время экспедиций за старинными рукописями и печатными книгами, при разборе архивов и запасов. Они могут быть следствием или наградой длительных поисков и многолетних попыток напасть на след желанной книги, произведения любимого мастера, именно такого (или «именно этого!») экземпляра книги, эстампа, рисунка, чего угодно еще.

Собирательство — чудесная, умная и правильная деятельность человека у нас, при советском строе. Она оборачивается отвратною торговой жадностью и влечет за собою или преступное, или смешное предпринимательство подделок и обманов в мире монополий. Думается, что призвание коллекционирования, составление собственной библиотеки, большой или малой, специализованной или универсальной, — как раз то, что является отличительным признаком библиофила как такового. С другом книги и с книголюбом вообще библиофила роднят чувства любви и уважения к книге как к слову или как произведению издательски-типографских (или, для изучателей древности, рукописных) процессов, но для библиофила открыты три основные радости или награды его творчества. Это радость находок. Это радость личного общения. И последняя и самая высокая — радость дара. Отдачи добровольной и ничего не дающей, кроме высокого морального удовлетворения, что, понятно, является субъективным, необязательным... И не столь частым!

В чем радость личного общения с книгой, которую библиофил (наконец!) нашел или получил? В чувстве собственности? — Нет, это недостойно, это снимает и умаляет социальное высокопоздравляющее удовлетворение, которое испытывает библиофил, когда он гордится не тем, что он имеет, а тем, что показывает, изучает, т. е. представляет свой образцовый экземпляр другим. Или библиофилия — в чувстве владения «редкостью», небывалым «уникумом», неповторимым и особенным чем-либо? Здесь столь часто закономерная гордость может переключиться в самодовольство, в чванство. Библиофил не библиоман, охотящийся неизвестно за чем и неведомо почему и прячущий свои книги, которые он не читает и никому не показывает. Но есть и весьма неприятный тип библиофила — хвастуна, себялюбца, который готов свои книги демонстрировать не ради них самих, а ради — себя. «Вот какой я». «У тебя-то нет, а у меня есть». «У меня экземпляр особый, вот здесь — опечатка, а в твоём обычном экземпляре её нет» (это последнее — французская эпиграмма XVIII в.)...

П. Н. Берков очень тонко выискивает и знает особенности библиофилов. Он умеет видеть за собраниями книг именно живых людей, их собирающих. Можно, конечно, больше остановиться

на творчестве библиофилов-собирателей. В их обязанности неизбежно входит забота о книге. Ее переплет, если она в нем нуждалась. Ее хранение. Устройство библиотеки. Систематизация. Описание. Обработка и библиотеки и отдельного экземпляра. Эклибрис как знак, запечатлевающий и увенчивающий любовь к книге и образ библиотеки. У самого П. Н. Беркова была очень большая и ценная библиотека по его специальности, литературоведению. Была изумительно им составленная картотека, поступившая после его кончины в Пушкинский Дом Академии наук. Библиотека сохранена тщательно наследницею — вдовою Павла Наумовича Софией Михайловной. И был для нее заказан прекрасный и скромный экслибрис*.

Покойный автор предлагаемой книги был и ученым, и мыслителем, и другом книги, и книголюбом, и книгособирателем и библиофилом. Немного еще надо сказать только о том, каким был он историком. То, что он «библиофилии» — качеству отдельных библиофилов — противопоставил библиофильство как общественное явление и советское, более демократичное, движение противопоставил дореволюционному — любительскому, аристократически-снобистскому книголюбству или любованию отдельными редкостями, — безусловная заслуга.

Настоящая книга продолжает издания «О людях и книгах» и «Русские книголюбцы». В первой и второй главах новой — посмертной — книги своей П. Н. Берков отчасти повторяет некоторые материалы, освещенные уже в его первых книгах. Сюда относятся места, где говорит он об антологии «Похвала книге» И. А. Шляпкина, о «Кружке любителей русских изящных изданий». По поводу деятельности последнего стоило бы упомянуть, что неоспоримой заслугой «Кружка» останется издание Гоголевского «Невского проспекта» с иллюстрациями Д. Н. Кардовского и, конечно, «Материалов для библиографии русских иллюстрированных изданий».

Очень ценно в новой книге П. Н. Беркова все, что говорит он на основании весьма мало известных материалов об опыте организации первого библиофильского объединения в Москве, связанного с именем Н. М. Лисовского, неутомимого пропагандиста книговедения, науки о книге, выделяемой им из общей науки библиографии.

Большую заслугой П. Н. Беркова является его постоянное внимание к состоянию издательского дела и книжной торговли в советском революционном государстве в ранние годы и в последующие десятилетия вплоть до 50-летнего юбилея Советской власти. Известные дополнения автору данного вступления надо сделать, пожалуй, только к третьей главе книги П. Н. Беркова, где рассказывается о деятельности московского Русского общества друзей книги в 1920-х годах. Бывший одним из его основателей

* О своей библиотеке П. Н. Берков вкратце рассказал в книге «О людях и книгах».

и затем его весьма активным членом, автор этих строк, как указано, не смог полностью передать П. Н. Беркову всех данных о деятельности РОДК, тем более о его «внутренней истории».

Русское общество друзей книги возникло в начале 1920-х годов по общественной инициативе передовой части русской интеллигенции, как старой, дореволюционной, принявшей без оговорок новую, Советскую власть и ставшей добровольно сотрудничать с нею, так и молодой, перед которой революция открыла возможности творческого участия в бурно развивавшемся культурном строительстве. В составе учредителей и руководства, затем основного ядра Русского общества друзей книги (принявшего это последнее наименование сознательно в противоположность и Кружку любителей в старом Петербурге, и предлагаемому Н. М. Лисовским Обществу библиофилов) были работники музеев, как В. Я. Адарюков, писатели-искусствоведы, как П. Д. Эттингер, деятели издательства и вполне «интеллигентских» книжных магазинов, как Д. С. Айзенштадт и А. М. Кожебаткин. К «старшим» принадлежал и обаятельный собеседник и изучатель русской литературно-художественной среды С. Г. Кара-Мурза. Пишущий эти строчки, только-что получивший звание профессора А. А. Сидоров; музейный работник, прекрасный знаток искусства Н. В. Власов; недавний военный А. М. Макаров; букинист, человек редкого художественного чутья А. Г. Миронов — упомянуты с большей или меньшей степенью подробности в третьей главе книги П. Н. Беркова. В обществе почти участия не принимал М. П. Келлер. По первому плану, задуманному более тесно группой учредителей РОДК, А. М. Кожебаткин был бы в нем представителем старой (подразумевалось — XVIII—XIX вв.) русской книги, М. П. Келлер — специалистом по книге зарубежной. Вскоре и М. П. Келлер и А. М. Кожебаткин перестали принимать участие в РОДК. Отошел от общества и Н. Н. Орлов. С Русским библиографическим обществом отношения РОДК не были ни регулярными, ни тесными. Наоборот, некоторые выступления, в РОДК встреченные с общим сочувствием (доклады старейшего букиниста П. П. Шибанова и др.), в Библиографическом обществе встречали критику. РОДК, однако, имел другую «базу», о которой П. Н. Берков не сказал; но отделение «библиофильства» от научной, исторической, литературной или искусствоведческой работы не позволяет восстановить полную культурную картину жизни Москвы 1920-х годов.

Одновременно с РОДК была в Москве под эгидой Наркомпроса и лично А. В. Луначарского создана обширная Государственная академия художественных наук, в составе которой стала работать вначале специальная Полиграфическая секция, затем Библиологический отдел и Комиссия графических искусств. Двухтомник «Книга в России» (1924—1926), издававшийся в те же годы малотиражный журнал «Гравюра и книга» были в не меньшей мере органами этих отделов ГАХН, как и РОДК. Все более специальные, исторические или теоретические темы выносились в ГАХН, где

сотрудничали В. Я. Адарюков, П. Д. Эттингер и пишущий эти строки; активно работавшие и в государственном и в любительском объединении молодой, рано погибший М. С. Базыкин и пожилой, бывший «протоколистом» РОДК, в дореволюционное время педагог (и стихотворец!) И. К. Линдеман. РОДК, с его дружескими еженедельными собраниями в Московском Доме ученых, носило характер «клуба», чуждавшегося дискуссий, зато устраивавшего регулярные выставки, литературные вечера, аукционы, выступления артистов. Зато доклады таких книговедов, как М. Н. Куфаев, искусствоведов, как Н. Н. Пунин, устраивались в ГАХН. Мало-помалу в литературной секции ГАХН сосредоточилась деятельность таких крупных московских ученых, как М. А. Цявловский и В. В. Вересаев. В. Я. Адарюков и пишущий эти строки равномерно делили свои труды между ГАХН, РОДК и (в последние годы десятилетия) Гравюрным кабинетом Музея изобразительных искусств.

Неполной осталась бы картина работы РОДК без краткого упоминания хотя бы двух очень красочных, характерных для Москвы и весьма противоположных фигур, страстных библиофилов. С одной стороны — это М. И. Щелкунов, в прошлом — наборщик, в годы революции ставший преподавателем и профессором, автор известного, бывшего для своего времени весьма нужным труда по истории книгопечатания. Автодидакт, страстно любивший старую (западную!) книгу, прямолинейно мысливший и неоспоримо добросовестный, М. И. Щелкунов в РОДК представлял как бы «демократическое» его крыло. М. Я. Шик, блестящий мастер поэтического перевода, полиглот, остроумнейший собеседник и вместе с тем великолепный знаток книги, составивший себе поразительную коллекцию французских романтиков, был весьма живым участником всех встреч РОДК, впоследствии работником антиквариата «Международная книга» — и перешел от собрания книг к филателии...

Вместе с тем — пусть это останется лучшей «концовкой» деятельности РОДК, — самое ценное, что удалось обществу совершить, было издание «Домика в Коломне» с оригинальными гравюрами В. А. Фаворского, одно из лучших «библиофильских» или просто художественных изданий тех лет.

Не надо, думается, делать еще какие-либо вставки в очень интересную, талантливо написанную рукою мастера картину развития общественного движения, посвященного книге в нашей стране. Вся книга П. Н. Беркова — хороший памятник пройденному участку пути общего нашего культурного развития.

Автор данного вступления хотел бы, чтобы эти его страницы были скромным венком на могилу крупнейшего советского друга книги в самом лучшем смысле — большого человека и ученого, Павла Наумовича Беркова...

Член-корреспондент Академии
наук СССР А. А. Сидоров

Мне кажется, нет необходимости обосновывать право автора написание «Истории советского библиофильства», в то время как «Истории русского библиофильства до 1917 г.» еще не существует. Собирая в течение многих лет материалы по истории русского книголюбия с древнейших времен до наших дней, я давно уже пришел к заключению, что история советского библиофильства богаче, интереснее и поучительнее и, несомненно, ближе советскому читателю-книголюбу, чем история библиофильства дореволюционного периода. Этим и объясняется то, что, нарушая хронологический порядок изложения, я написал данную книгу. Передавая ее в руки читателя, я считаю нужным сказать несколько слов о ее построении.

В центре моего внимания стояли не отдельные библиофилы и их библиотеки, как было бы неизбежно в «Истории русского библиофильства до 1917 г.», а именно библиофильство как общественное явление — библиофильские организации, их пропагандистская, научно-исследовательская и издательская деятельность, формы их работы, — научные заседания, обмен опытом, выставки, аукционы, книгообмен и т. д., предметы собирательства, библиофильские моды, материальная база советского библиофильства — антикварные и букинистические магазины, вообще книжная торговля, наконец, постепенно возникшая, развивавшаяся и достигнувшая значительного уровня библиофильская литература.

Конечно, больше всего меня интересовали и привлекали образы советских библиофилов, их библиофильская психология, их глубокая и своеобразная преданность любимому увлечению.

По мере приближения работы над книгой к концу мне стало ясно, что материалы для последних глав «Истории советского библиофильства», в которых я предполагал говорить о книголюбях наших дней, настолько обширны, что никак не уложатся в листаж, предоставленный мне издательством «Книга», а если бы издательство даже и согласилось значительно увеличить объем «Истории», то композиция книги от этого безусловно пострадала бы. Поэтому в дополнение к выпускаемому труду я задумал еще одну книгу — «Советские библиофилы, книголюбые, книгособиратели наших дней

(1950—1960-е гг.)», которая должна будет представлять собой своеобразный биобиблиографический словарь*.

Однако из сказанного не следует делать заключение, что последние два десятилетия истории советского библиофильства не нашли отражения в настоящей книге. Напротив, по своему объему последние две главы составляют более четверти книги.

Как обширны и многообразны ни были собранные мною материалы, данная работа не могла бы быть написана без дружеской помощи ряда лиц, бескорыстно и охотно сообщавших мне сведения или наводивших по моей просьбе нужные справки. Перечислить имена всех товарищей, в той или иной форме оказавших мне помощь, будет затруднительно. Поэтому я назову только тех, кто был особенно полезен мне своими сообщениями и указаниями; это — член-корреспондент АН СССР проф. А. А. Сидоров, В. Г. Лидин, вице-президент Академии педагогических наук СССР проф. А. И. Маркушевич, Н. И. Сахаров, проф. С. П. Фортинский, доц. И. Я. Каганов, канд. филол. наук О. Г. Ласунский, канд. филол. наук Н. Д. Кочеткова, д-р филол. наук В. И. Малышев, И. М. Кауфман, Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, И. Б. Семенов, А. Б. Лоев, Б. А. Вилинбахов, П. Н. Мартынов, О. Д. Айзенштадт, В. А. Рождественский, К. И. Шафрановский.

Всем названным и многим, многим неназванным товарищам, чья исключительная отзывчивость, помощь и доброе отношение ко мне способствовали созданию этой книги, выражаю большую, искреннюю благодарность.

15 марта 1968 г.

* К сожалению, этому плану не суждено было осуществиться из-за смерти автора — П. Н. Беркова. (Ред.)

143. Русское общество друзей книги (1920—1929). Библиографический указатель. Под ред. и с предисловием О. Г. Ласунского. Воронеж, 1968.
144. Русское общество друзей книги.— БИ, 1921, № 1—4, с. 77; 1922; № 1—4, с. 48.
145. Савонько В. С. Ленинградское общество экслибрисистов (1922—V—1927).— АБ, с. 403—412.
146. Сахаров Н. И. Первые пятьдесят заседаний Секции книги Московского Дома ученых АН СССР.— Книга, т. I, М., 1959, с. 313.
147. Он же. Обзор деятельности Секции книги Московского Дома ученых (51—100 заседания Секции).— Книга, т. VI, М., 1962, с. 356.
148. Сахно Ф. [пос. Недригайлов]. Личная библиотека для всех.— ВМК, 1961, № 8, с. 42—43.
149. Сборник декретов и постановлений Рабоче-Крестьянского правительства по народному образованию. Вып. II (с. 7 ноября 1918 г. по 7 ноября 1919 г.). М., 1920, с. 4.
150. Сидоров А. А. (редактор): П. М. Дульский. Книга и ее художественная внешность. Казань, 1921.— Печать и революция, 1921, № 2, с. 222.
151. Он же. Русская графика за годы Революции. 1917—1922. М., 1923, с. 3, 8.
152. [Скупка иностранцами русских библиотек].— Библиографич. вестник, 1918, № 246, с. 57.
153. Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. Изд. 2-е М., 1960.
154. Он же. Твоя личная библиотека.— Молодой коммунист, 1959, № 5, с. 78—81.
155. Собрание декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. Вып. I Пг., 1919, с. 154—155.
156. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. М., с. 191.
157. Соловьева О. С. Новые данные об автографах Пушкина.— Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.— Л., 1963, с. 17, прим. 32.
158. Сухаревская книжная торговля.— БИ, 1919, № 1—2, с. 86.
159. Тарасенков А. К. Книги (Стих.).— Книжная лавка писателей. 1932—1937. М., 1957, с. 48—49.
160. Он же. Русские поэты XX века. 1900—1955. Библиография. М., 1966.
161. Твардовский А. Т. [Вступительная заметка к статье М. И. Белкиной «Главная книга»].— НМ, 1966, № 11, с. 195—196.
162. Он же. Речь на Внеочередном XXI съезде КПСС.— Правда, 1959, 2 февр., № 39.
163. Тимошенко Е. Е. Книга должна работать!— ВМК, 1967, № 6, с. 39—40; От редакции.— Там же, с. 40.
164. Топчиев А. В., акад. и др. Письма в редакцию. Создадим общество друзей книги.— ЛГ, 1959, 5 мая, № 53, с. 3.
165. Улькин П. «Клуб друзей книги». Рыловичи, Брянск. обл.— ВМК, 1962, № 10, с. 44.
166. Устав Русского библиофильского общества. М., 1917, с. 3.
167. Фрид Л. «Клуб писателя и покупателя», Минск — ВМК, 1962, № 11, с. 41.
168. Ходасевич В. Белый коридор.— Дни, Париж, 1925, 6 ноября, № 846, с. 2.
169. Шамурин Е. И. (редактор) М. Н. Куфаев. Библиография и библиомания. Л., 1927.— Научн. работник, 1927, № 3, с. 126—127.
170. Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля.— В кн.: Книжная торговля. Под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М., 1925, с. 199—265, и отд. отт.
171. Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. Изд. 2-е, М., 1965.
172. Он же. Судьба некоторых книжных собраний за последние 10 лет (Опыт обзора).— АБ, с. 165—200.
173. Cim A. Le Livre. Vol. I—V, Paris, 1905—1908.
174. Fertiault. F. Les Amoureux du Livre. Paris, 1877.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. А. Сидоров. Друг книги—советский библиофил	3
От автора	12
Глава первая.	
Русское библиофильство советского периода (Общая характеристика)	14
Глава вторая.	
Предыстория советского библиофильства	26
Книжное дело в России в 1917 г.—Библиофильство в период военного коммунизма.—Библиотека В. И. Ленина в Кремле	
Глава третья	
1920-е годы	59
Новая экономическая политика и книжное дело в РСФСР.—Частные издательства и Государственное издательство.—Расцвет книжной графики.—Работы по искусству книги.—Торговля антикварной и художественной книгой.—Теоретические вопросы библиофильства	
Глава четвертая	
1920-е годы (продолжение)	88
Русское общество друзей книги (РОДК) (1920—1930). Возникновение РОДК.—Его отношение к традициям Кружка любителей русских изящных изданий.—Внешняя история РОДК.—Внутренняя, «бытовая», история Общества.—Книжные аукционы начала 20-х годов. Главные деятели РОДК: В. Я. Адарюков.—М. П. Келлер.—А. М. Кожебаткин.—П. Д. Эттингер.—Д. С. Айзенштадт.—А. А. Сидоров.—С. Г. Кара-Мурза.—Н. Н. Орлов.—Роль и значение РОДК в истории русского библиофильства	
Глава пятая	
1920-е годы (окончание)	127
Ленинградское общество библиофилов.—Казанские книголюбцы 20-х годов.—Украинское библиологическое общество.—Белорусское общество библиофилов.—Демьян Бедный — библиофил	
Глава шестая	
1930-е годы	157
Издательское дело в период первых пятилеток.—Книготорговля в это десятилетие.—Книжные лавки писателей в Москве и Ленинграде.—Библиофильские организации Москвы и Ленинграда в 30-е годы.—Библиотеки В. А. Десницкого, И. Н. Розанова и М. Горького	

Глава седьмая

Советское библиофильство в дни Великой Отечественной войны . . .
Библиофильство перед началом войны.— Книголюбие на фронте.— Стихотворение А. К. Тарасенкова «Книги».— Библиофильская жизнь Москвы в период войны.— Библиофилы в осажденном Ленинграде

Глава восьмая

Послевоенное пятилетие (1945—1950)
Состояние библиотек ученых и писателей после войны.— Возникновение антикварных магазинов Академкниги.— Кружок любителей книги при Оргкомитете Союза советских художников.— Зарождение советской библиофильской литературы

Глава девятая

Библиофильство в 50—60-е годы
Антикварно-букинистическая торговля в 50—60-е годы.— Журнал «В мире книг» и газета «Книжное обозрение».— Развитие советской библиофильской литературы.— Секция коллекционеров (книги и графики) при Ленинградском Доме ученых.— Секция книги при Московском Доме ученых.— Клуб любителей книги при Центральном Доме работников искусств

Глава десятая

Библиофильство в 50—60-е годы (окончание)
Вопросы антикварной и букинистической торговли.— Новые объединения книголюбителей.— Харьковский Клуб любителей книги.— Попытка кемеровских книголюбителей.— Секция библиофилов при Ленинградском Дворце культуры им. С. М. Кирова.— Секция журналистов-книголюбителей при Центральном Доме журналиста (Москва).— Клуб книголюбителей при Центральном доме литераторов (Москва).— Херсонский Клуб любителей книги.— Клуб любителей книги при Одесском Доме ученых.— Клубы любителей книги в Днепропетровске и Баку.— Отдельные личные библиотеки 50—60-х годов

Заключение

Чему учит нас история советского библиофильства
Список использованной литературы
Оглавление